

Агата
РЫЖОВА

ФРАГМЕНТЫ НЕНАПИСАННЫХ КНИГ

Обычно это называют дневником писателя, заметками на полях. Просто иногда ко мне приходят абзацы ненаписанных книг. Я понятия не имею, о чём эти книги, что это за истории. Но они очень настойчивы, эти абзацы, эти упорные слова в голове. И я их пишу.

Когда-то я хотела писать для того, чтобы сделать людей счастливыми. Мне было двадцать лет или около того. И я была совершенно убеждена, что вот оно – счастье. Я его в лицо знаю. Это так просто – счастье, а люди почему-то несчастливы. Я им расскажу, и они всё поймут. А потом я хотела писать потому, что однажды поняла – я всё забываю. Живу-живу, совершаю открытия, меняюсь, исчезаю в том виде, в котором была. И всё проходит, всё меняется, всё падает в меня бесследно, как будто я эдакая бездонная яма. И поэтому нужно записывать. Вот так я и думала: писать, чтобы помнить и быть счастливым.

Тысяча пятьсот ударов в минуту.

Так бьётся сердце самого крохотного млекопитающего на земле – карликовой белозубки. Если бы человеческое ухо позволяло такое услышать, получился бы один сплошной звук, ни-

каких пауз. Живи быстро, умри молодым. Вот уж точно. Никаких пауз – одно сплошное «бум». Длина белозубки – три-четыре сантиметра. Можно спрятаться где угодно. Быть кем угодно. Абсолютная свобода. И абсолютная уязвимость. Ты самый маленький, твоё сердце – самое быстрое, и ты неумолимо умрёшь.

Так в детстве пахнут простыни, которые папа приносит с балкона. Они пахнут морозной свежестью, пустым пространством, зимой и небом. И я бросаюсь на диван, куда папа их положил, и эти одереvenевшие полотна хрустят и будто ломаются подо мной. От простыней становится холодно, мои детские плечики дрожат, и мама строго бросает: «Слезь с дивана – простынешь». А я не простываю. Никогда не простывала, сколько бы ни ломала в руках свежие простыни. Сколько бы ни хватала ртом пустой морозный воздух. Скольких бы под снегом ни целовала...

Всё в жизни происходит глупо и неправильно. Глупо и неправильно потому, что вопреки моей воле. Я, может, хочу быть индонезийской принцессой, жить в тростниковой хижине и питаться с золотого подноса. Да нет, ничего я не хочу. Заберите эти ваши золотые подносы. Со-

РЫЖОВА Агата Юрьевна родилась в 1985 году в Кемерове. Училась в Кемеровском государственном университете на филологическом факультете. В 2009 году заняла первое место на областном состязании молодых поэтов «Кузбасс – точка роста». Автор двух поэтических книг «Мимо всех» и «Путеводитель для сталкера». В 2010 году повесть «Однажды и навсегда» вошла в лонг-лист Всероссийской премии «Дебют». Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

жгите тростниковую хижину – мне она не нужна. Не сжигаете? Значит, я буду страдать. Потому что моя воля – чтобы сожгли. Всё, что не поддается моему контролю, всё, что мне неподвластно, несёт в себе ужас и отчаяние.

Всякий хочет думать, что он хорош: добрый человек, заботливый муж, ответственный сотрудник. Мы вынуждены оправдывать себя каждый раз, когда чуточку не дотягиваем до «хорошести». Я поступил так, потому что у меня не было другого выхода. Обстоятельства, знаете ли. Или я просто не подумал. Или не знал. Или мне было сильно надо.

Достаточно всего один раз признать себя подонком, чтобы перестать оправдываться. Я совершил зло, потому что я подонок. И всё становится просто и ясно. Граница между добром и злом – это моё желание быть хорошей или быть плохой.

Быть подонком просто и приятно. Почти так же, как быть дурой.

Человек, который как раз. Не мал, не велик, а тютелька в тютельку, будто специально скроен. Не бывает тесен, не морщинит на спине, не давит в груди. Носишь его так, будто его нет.

Но я пишу это со скорбью. Моё лицо в зеркале кажется больше черепа. Человек как раз, а моё лицо больше, чем нужно. Просто я вдруг подумала о тех людях, которые не подошли, были больше, или меньше, или я сама резала им подмышки. Тоже ведь отношения, увлекательные иногда. Со страстями, взлётами. А когда как раз, когда не давит, кажется, что ничего и не происходит. Двигаемся в одном темпе. Синхронное плавание. Это, наверно, невероятное везение, когда кто-то скроен по тебе. Я ведь должна быть, наверно, счастлива...

И вот носишься ты с этим своим знаменем страдания. Я, мол, какой-то особенный, я страдаю. Или того хуже: я, видите ли, чувствовать могу. Да что ж тут такого, что чувствовать можешь? Вон и кошка может. Наступи ей на хвост – сразу услышишь, как громко она чувствует. А то и сам проникнешься её чувством, если она в ногу-то вцепится. Невелико достижение – страдать и чувствовать. Но ты же пузыришься, раз-

дуваешься от гордости за самоё себя. Куда деваться? Особенный!

Или другое. Ты деньги, например, зарабатываешь. Или карьеру делаешь. Или ноги у тебя длинные. И всё, накрылось медным тазом всё человечество от стыда перед твоим лучезарным ликом. А ведь Билл-то Гейтс больше тебя зарабатывает. А у того же Путина карьера головокружительнее сложилась. А ноги... Ну, не знаю я моделей, сам придумай. По-любому же, есть ноги и длиннее, и красивее. И что, как ты жить-то намереваешься, не будучи Биллом Гейтсом? Дунет ветерок, шмякнется какая-нибудь ерунда на голову – и всё, нет тебя. Букашка ты несуразная, со всеми твоими ногами, и карьерами, и разным твоим барахлом.

Чтобы забыть, нужно позволить себе поминуть. Расслабиться и отдаться на волю памяти. Так, наверное, учатся плавать. Но я не умею плавать. Зато я научилась забывать. Я помню, как это поначалу было мучительно – помнить. Как я упиралась руками в створки этого шкафа, не желая в него лезть. Воспоминание из отрочества: я захожу в свою комнату, а там мой одноклассник Саша запикивает в шкаф моего одноклассника Мишу. А Миша не хочет в шкаф, он раскидывает руки и ноги пошире, но Саша налегает мощным плечом на его спину. У Миши просто не оставалось шансов – Саша был в полтора раза крупнее. Вот и у меня просто не было шанса, но я упиралась, раскидывая подальше руки и ноги, старалась казаться больше и значительнее этого монстра – памяти. А надо-то было просто расслабиться, сделаться мягкой и податливой, отдаться на волю тому плечу, которое давит мне в спину...

Жизнь постепенно налипает обязанностями и обязательствами, уроками и печалью, псевдомудростью и разглагольствованиями. Радости тоже налипают, впечатления, ощущения и открыти. Всё без разбору. И ты становишься тяжелее день ото дня, давишься этой своей самой лучшей жизнью. У меня нет к ней претензий, кроме разве что одной, самой нелепой – я живу слишком давно. Это похоже на то, как если бы я объелась самой вкусной пищей, овощным рагу, например. Еда такая вкусная да и какой может быть вред от тушёных овощей? Но вот я валя-

юсь, придавленная изнутри всем тем прекрасным, что я в себя запихала. Я ленива, сонлива и рассеянна. Мне не нужно ничего, кроме дивана. Уходите все – я перевариваю.

* * *

Последний вступительный экзамен сдан, и вот я лечу, парю над пыльной мостовой, мимо зеркальных витрин, коротко подстриженных газонов, липовых деревьев, киосков с мороженым, мимо кричащей обнаженными ногами, пёстрой и беспечной толпы. Будто это не я выбираю направление, а само лето несёт меня на своих широких солнечных крыльях.

* * *

Я ловчиха репчатого лука! Бросьте мне луковицу любого размера – я непременно поймаю! Я ловкая ловчиха, обливающая тёплыми слезами свои луковицы. Потому что я обязательно должна их разрезать и посмотреть, что внутри. Что бы вы мне ни бросили – я поймаю и загляну внутрь. А если нет нутра, я его выдумываю. Я ловкая-ловчиха-выдумщица-глубоких-смыслов. Когда заглядываешь внутрь, часто хочется плакать. Если заглянуть любому человеку внутрь, обязательно заплачешь. Потому что каждый несёт в себе едкую горечь, и каждый похож на луковицу.

* * *

Я ничего не прошу, ничего не требую, не предъявляю претензий, не возмущаюсь, не ропщу, не обвиняю, не воюю, не надеюсь, не питаю иллюзий, не строю планов, не имею далеко идущих намерений. Я, по большому счету, дерево. Я позволяю солнцу согреть меня, а дождю – смывать пыль с моих листьев. И молния откалывает мою старую ветку просто потому, что ветка мне мешает.

Иногда у меня возникает желание. Глупенькое, любое. Хочу воздушный шарик. Сейчас хочу, а завтра забываю. Мне всё равно, будет он у меня или нет. Мне некогда тратить на это желание свои душевные силы – я слишком много живу. Приходит случайный человек и протягивает мне воздушный шарик – на. Спасибо. И так происходит всегда. Чего бы я ни хотела.

И вот, валяясь на чьём-нибудь ковре в чьей-нибудь гостиной, слушая, как читает свои стихи мой любимый поэт, видя рядом с собой восхитительных, будто из романа вышедших людей, я чувствую себя абсолютно, невероятно, невозможно счастливой. Так, что даже оторопь берёт:

откуда это всё? за какие заслуги? достойна ли? или завтра спохватятся и отберут?

Не отберут. Потому что нечего. У меня ничего нет. Мне ничего не нужно. Спасибо.

А там, снаружи, на большой земле, в открытом социуме: что они только ни говорят о скуке, обыденности, развращённости и нашем «плохом» времени, как только ни хаотят мир, жизнь и друг друга, как они воют, как ломают себе хребты...

* * *

Как все люди моего круга общения мечтают о Питере, с тем же бессмысленным рвением я мечтаю о Камчатке. В моей географической точке нет ничего определённого, кроме трёх пунктов: «уехать куда-нибудь подальше», «по возможности поближе к первозданной природе» и «экзотика». О Камчатке сейчас мечтать не принято. О ней и не вспоминает никто. Кроме меня и Виктора Цоя, вечноживого, словно вечнозелёное растение. А потом я вспоминаю, что в детстве в наших играх фигурировала Камчатка. Проиграешь – на Камчатку. Значит, в самый конец очереди. Быть на Камчатке – это значит быть последним. И последние станут первыми. А однажды я пила чай с человеком, который девять месяцев жил на Камчатке. Это было в мастерской художника, двухэтажной мансарде – как это ни диковинно для наших широт и долгот, на которых не произрастает ничего, кроме сталинок, хрущёвок и Виктора Цоя. Мы пили с художником зелёный чай, слушали джаз с заезженной пластинки, и он рассказывал мне о Камчатке. Художники, безумные поэты, остров, на который нанимают работать счетоводом морских львов. Вручают деревянную конструкцию без дна, в которой нужно передвигаться, чтобы не смущать животных, и полугодовой запас продуктов. И никого в целом свете.

* * *

Все люди определяются своей системой ценностей. Мы живём именно так, как мы оцениваем. Если мы не ценим своего времени, мы готовы тратить его на всякую ерунду вроде компьютерных игр и просмотра ток-шоу. Если мы не ценим себя, мы готовы тратить на людей, которые плохо с нами обращаются. Всё просто. В зависимости от своей системы ценностей люди условно делятся на социально-культурные группы. Ценности внутри группы более-менее одно-

родны. Мы дружим с теми, кто нас понимает. Нас понимают те, кто имеет примерно такие же интересы, а значит, ценности. Спорить с представителем другой социально-культурной группы бессмысленно. Он смотрит на вещи совершенно иначе, в его голове другая схема восприятия. Отойди, не трать на это энергию.

Мы будто рыбки в разных аквариумах. Можем быть как угодно близко друг к другу, но никогда не соприкоснёмся в полной мере.

Я, кажется, начинаю смахивать на робота. Здесь я потрачусь, а здесь не буду. Здесь нужно натянуть вожжи, там – приспустить. В данный момент нужно расслабиться, иначе я угроблю себя. Говорят, если пьяный человек вывалится из окна, он скорее всего не покалечится – потому что расслаблен. А хомячок без каких-либо последствий падает на пол с высоты моего роста. Он всегда мягкий, вряд ли он знает, что такое напряжение. С возрастом научаешься пользоваться собой, будто автоматом. Здесь приспустить, там нажать, тут абстрагироваться. А если не выходит – создадим нужные условия, поставим себя перед фактом, загоним в заданный коридор. Будто сам себе хныкающий ребёнок, которого необходимо успокоить. Есть слово, которым называют манипуляцию самим собой? Ах да! Самоконтроль. И ещё одно – воля.

Такова моя воля.

Я отдохну, и вокруг меня снова начнёт воссоздаваться мир настоящего. Он прорастёт точно из зёрнышек меня. Пока живу, я разбрасываю вокруг свои зёрнышки: свои поступки, слова, ожидания, сожаления, мечты. (Мечты я разбрасываю особенно усердно.) А потом самое главное – отвернуться от них, увлечься чем-то другим. И они прорастут. Они всегда прорастают. Только нужно обязательно отвернуться. Это примерно то же самое, когда ждёшь, чтобы в кастрюле закипела вода. Стоишь над душой кастрюли, а вода даже и не собирается закипать. Редко-редко со дна поднимаются пузырьки. А теперь отойди, не мешай – ты уже сделал главное. Ты уже намечтал, набоялся завтрашнее настоящее. Отвернись – и вода закипит.

Меня спросят: где же тут события? где история? Истории нет – и всё здесь история. Ускользающее ничто.

«Мы ведь не для того себя воспитывали, чтобы чинить табуретки и готовить ужин».

Я обратила внимание на «себя воспитывали».

Мы себя воспитывали, питали книжками и небом, похожим на дверь с облупившейся краской. А для чего тогда? Отрицание предполагает утверждение. Для чего тогда?

Я не спросила.

Меня сейчас осенило, что люди, которые ушли, имеют гораздо больше шансов на любовь, чем те, которые остались. Ушедшего легко наряжать в кружевные шелковые платишки, возносить на любую высоту и вечно нянчить в своей душе. Имеющийся в наличии такого поведения по отношению к себе никогда не допустит. Он обрушится всей тяжестью своей человечности, своего несовершенства даже с самой крохотной кочки.

Самое главное – закончить историю вовремя. Упустил момент – и всё, герой твой ковыряется в носу, или раскидывает носки по углам, или просто оказывается так себе, не героем. А ты ведь его, наверно, ещё попытаешься поднять, дотянуть до геройского уровня: «Эй, герой, ну ты чего? Что ты такое делаешь? Немедленно прекрати». Но нет, он всё равно ковыряется и раскидывает. И никто не виноват. Просто нужно вовремя ставить точку.

Моя сестра боится грома, разговоров про конец света и, как выяснилось, летать на самолётах. Во всех перечисленных случаях она забивается в угол дивана, подтягивает к подбородку свои исцарапанные коленки, зажимает уши руками и начинает реветь. Крупная первая слеза сползает по её пухлой щеке к носу и висит некоторое время над верхней губой. Затем, наверно, капля попадает в рот – куда же ей ещё деваться? Я не знаю точно, что там происходит с заповедной детской слезинкой, потому что ужас как не люблю Софьиных истерик и стараюсь быстрее улизнуть из эпицентра очередной трагедии.

О, блаженное детство, когда все мирские несовершенства можно устранить, пролив пару солёных капель и зажав покрепче уши руками.

* * *

И я ведь знаю, зачем сюда пришла. Знание такое простое, такое элементарное: мне нужно научиться любить всё существующее и понять, что каждая вещь занимает своё – правильное, такое необходимое ей – место. Всё, что есть, – правильно, и все правы. Какую бы галиматью ни говорил А, как бы ни пыжился от чувства собственного достоинства Б – оба правы. А это моё несогласие с ними, этот мой внутренний протест возникает от того, что я их не люблю. А значит – я не права. Трудный урок – полюбить всё суще-

ствующее скопом, без всяких условий, без всяких выгод. Просто принять как данность. И награда какая-то непонятная, сомнительная – стать звёздной пылью. Просто вернуться домой. Наверно, так.

* * *

Стародавний, сколько-то лет назад предавший меня близкий друг говаривал:

– Запиши, а то я zapomню.

И я пишу.

Чтобы никого не обременять свежей памятью.

